

Ф. О. Нофал

Древнеаравийское иудеохристианство: чтение классического исламского апологетического трактата

В статье исследуются проблемы реконструкции религиозных систем аравийских иудаизма и христианства. Анализируя предания, вошедшие в состав как раннеисламских хроник, так и классического исламского апологетического трактата, автор делает вывод о «догматическом» и «литургическом» единстве описанного в них древнеаравского монотеизма. При этом констатируется факт тождества так называемого ханифизма авраамическим религиозным традициям Аравии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: древнеаравийское иудеохристианство, джахилия, ислам, Коран, сунна, ханифизм.

За последние 50 лет научная периодика пополнилась «мифологическими» теориями, касающимися природы раннеисламского исторического трактата. По мнению идеологов «агаризма» (англ. *Hagarism*) — и, в частности, П. Крон, — контекстуальное исследование коранических преданий выдает недостоверность хроник исламского мира; при этом сравнительный анализ источников «агаристы» сопровождают рассмотрением религиозного — иудейского и христианского — наследия времен зарождения ислама [Crone, Cook]. Несмотря на то, что автор настоящей работы признает справедливость большей части критических отзывов, оспаривающих основные положения концепции Крон и Кука¹, он вынужден особо отметить, в числе прочего, актуальность проблематики, поднятой историками-«мифологистами». Одно из парадигмальных оснований гиперкритицизма специалистов, направ-

1. См.: [Political Islam, 47; Introduction, 273–274; Brown, 64–66] и др.

ленного против сведений арабо-мусульманской историографии, на наш взгляд, может быть представлено первой половиной заглавия этой работы.

Действительно, вряд ли внимательный религиовед-компаративист вправе обойти вниманием уникальный феномен древнеаравийского иудеохристианства, описанный хронистами, апологетами и экзегетами ислама. В частности, качественная инаковость фрагментарно описанного средневековыми историографами древнеаравийского христианства как современным ему верованиям исторических церквей, так и ересям первых веков, заставляет читателя задуматься о генезисе и эволюции пророческого движения Западной Аравии VI–VII вв. как такового, а «спаянность» иудейских и христианских доктрин, де-факто постулируемая толкователями исламского предания, подводит нас к идее об определенной расплывчатости догматических установлений авраамических сект Хиджаза в эпоху, непосредственно предшествовавшую проповеди пророка Мухаммада. Вместе с тем нельзя исключать и допускаемую «мифологистами» возможность искажения дескрипции верований древнеарабских иудеев и христиан исламской рецепцией, обусловленного непосредственным влиянием коранических апологетических императивов². Ниже мы попытаемся дать своего рода «дайджест» разрозненных преданий, в том или ином виде описывающих догматический и ритуальный «обиход» древнеаравийского иудеохристианства и потому вошедших в состав классического исламского апологетического сочинения — равно как и осуществленный нами их анализ.

С точки зрения средневекового арабо-мусульманского автора первой составляющей вероучительной «общности» христианства и иудаизма является их «открытое» мессианство, противопоставляемое «законченности», «завершенности» исламского профетизма. Исламский апологетический трактат, изначально разделявший адептов иудеохристианства на две категории — «простецов» (*‘амма*) и «элиту» ученых (*хāсṣа*)³, — не знает христианского толкования мессианской проблемы. Вместе с отсутствием однозначной интерпретации титула *ал-Масīх*, относимого Кораном

2. См., напр., рассмотрение антихристианских коранических пассажей: [Нофал 2015].

3. Истоки этого разделения — как внутриисламского (каламическо-суфийского), так и методологическо-апологетического — мы находим в тексте Корана. См. в связи с темой настоящей работы следующий *āyat*: «Ты, конечно, найдешь,

что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: мы — христиане! Это — потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся» (5:82; здесь и далее коранические цитаты даются в переводе И. Ю. Крачковского; курсив наш. — Ф. Н.).

и сунной к пророку 'Йсе [Нофал 2017], мусульманская теология предлагает перенятую из историографических «сумм» картину своеобразного «мессианского динамизма» аравийского христианства, в свою очередь якобы тесно связанного с христианством южносирийским, александрийским и аббисинским⁴. В качестве иллюстрации мы приводим далее с некоторыми сокращениями знаменитое предание об обращении сподвижника Пророка Салмāна ал-Фāрисī (ум. 36/657⁵):

Я отправил [гонца] к христианам, попросив их известить меня о прибытии каравана из Леванта. И прибыли купцы-христиане [в город], и известили они меня об этом. Я попросил его: «Когда они закончат свои дела и захотят вернуться [в свою страну] — скажите об этом мне». Когда [купцы] решили вернуться [в свою страну] сказали мне об этом; и тогда я, сбросив оковы со своей ноги, вышел с ними и дошел до Леванта. Там я спросил: «Кто же наиболее учен среди последователей этой веры?» Мне отвечали: «Епископ в этой церкви». Я подошел к [епископу] и сказал: «Мне понравилась эта религия, и хочу я быть с тобой, служить тебе в твоей церкви, учиться у тебя и молиться

4. Источники содержат многочисленные упоминания о верованиях христиан Африки и Сирии, аналогичных мессианским доктринам аравийских иудеохристиан. К примеру, некоему «коптскому» епископу Александрии приписываются такие слова: «Да, [придет] последний из [посланников], нет между 'Йсой и которым ни одного [пророка]; заповедовал нам 'Йса следовать ему! Он — неграмотный арабский пророк, имя которому — Ахмад. Он не высок и не короток, в его глазах есть некоторая краснота; он не бел и не смугл, и отпускает он волосы. Он носит грубую одежду и не поднимает брошенной ему еды. Его меч при нем — и не страшится он того, с кем встречается; он начинает битву, а его сподвижники жертвуют собой ради него и любят его более своих отцов и детей. Он выйдет из земли пустынной; из запретного места он придет — и переселится в запретное место, где земля плодородна и где растут пальмы. Он будет следовать религии Ибрāхйма, прикрывая свое туловище и омывая свои конечности. Ему будет дано то, чего не было дано ни одному пророку до него: ранее пророк посылался к своему народу, а этот будет послан ко всем людям. Вся земля будет ему чистым местом для поклонения; и где бы ни застало его положенное время — там он омоется и совершит моление (а до [появления его Общины] люди молились только в церквях и храмах)» [Ал-Вāқидī, 2:596–598].

Что касается аббисинского христианства, то, помимо знаменитых преданий о проповеди переселенцев-мекканцев перед правителем Негусом ('Асхамой ан-Наджāшй), завершившейся признанием последним правоты исламской «христологии» («Свидетельствую перед Аллахом, что он — тот неграмотный Пророк, которого ожидают люди Писания! Поистине, пророчество Мўсы о всаднике осла подобно пророчеству 'Йсы о всаднике верблюда! Воистину созерцание не целебнее [пророческой] вести!» [Ибн Са'д, 1:259]), мы встречаем свидетельство историографов о «мужчинах-христианах, узнавших о вестях [Мухаммада] в Аббисинии»:

«Когда нашли они [Пророка] в мечети, то, севши рядом с ним, начали разговор. Муже же Курайша сидели напротив, в своем месте собрания, у Каабы. Когда [христиане] закончили расспрашивать Посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — о том, чего желали, призвал их Пророк к Аллаху и прочел им Коран. Когда услышали те это, прослезились и ответили [согласием Посланнику Аллаха], уверовав в него, поверив ему и узнав от него о том слове, что было о нем в их Писании» [Ибн Хишām, 1:391–392].

5. В статье используется система двойных датировок: на основе общепринятого григорианского календаря (от Рождества Христова) и мусульманского лунного календаря (от хиджры пророка Мухаммада).

с тобой!» Он сказал: «Войди», — и вошел я с ним. Но он был скверным человеком: приказывал он собирать милостыню и призывал к ней; но когда собирали ее, то он оставлял ее всю себе, не отдав ни одному. Так он собрал семь кувшинов золота и серебра. Я возненавидел его великой ненавистью, когда увидел то, что он делает!.. Привели они другого мужа и поставили на его кафедру. [Поистине] не видал я мужа, молящегося и подвизающегося денно и нощно более него; был он аскетом в этой жизни и стремился к жизни следующей. Полюбил я его такой любовью, какой не любил никого до него! Прожил я у него некоторое время, пока не пришел час его смерти. Тогда я сказал ему: «О, такой-то! Я был с тобой, и полюбил я тебя такой любовью, какой не любил никого до тебя! И вот, постигла тебя такая воля Аллаха. Так кому ты накажешь обо мне? Что прикажешь сделать мне?» Он отвечал: «О, сын мой! Не знаю никого, кто держался бы того, чего держался я (ведь [некоторые] люди умерли, [иные] — изменили и оставили свои прежние убеждения), кроме одного человека, живущего в Мосуле. Имя его такое-то; он держится того же, что и я!»... Когда умер он и был погребен, я пришел к мужу из 'Аммурийи⁶, рассказал ему о себе, и тот молвил: «Оставайся у меня». И остался я у него, — у доброго мужа, следующего вере своих друзей. Работал я [у него] так, что приобрел себе даже коров и овец. Потом приблизился определенный ему Аллахом час — и, когда он настал, сказал я ему: «О, такой-то! Такой-то завещал мне следовать за таким-то, тот — за тем-то, а последний — за тобой! Так кому ты накажешь обо мне? Что прикажешь сделать мне?» Он отвечал: «Сын мой! Клянусь Аллахом, не знаю никого из людей, кто следовал бы тому, чему следовали мы, и за кем повелел бы я тебе идти. Но пришло время пророка, посланного с религией Ибра̄хима, который изойдет из земли арабов; место его переселения — земля между двумя каменистыми местностями, произрастают в которой пальмы. Знаки, [указывающие на] него, не скроются [от людей]: он принимает подарки, но не принимает милостыни, а между его плечами — печать пророчества. Если сможешь достичь той страны, то сделай это!» После этого он умер и был погребен [*Ибн Хишām*, 1:214–221; *Ибн Касīр*, 3:508–515].

Мессианские чаяния аравийского христианства VI–VII вв., очерченные здесь Ибн Исхāфом (ум. 151/768), уточняются и другими преданиями. Помещенное же выше «свидетельство» Салмāна ценно и вниманием автора к деталям современной ему экклесиологии: так, оно утверждает сохранение церковной иерархии на территории Южного Леванта и подчеркивает

6. 'Аммурийи (Амориум) — город во Фригии, разрушенный в 223/838 г. войсками аббасидского халифа ал-Му'тасима (ум. 227/842).

ведущую роль епископа в жизни городских общин Сирии, принимавших участие и в поставлении, и в осуждении деяний правящего архиерея. Активный участник местной церковной жизни своего времени ал-Ф̄арис̄ достаточно обстоятельно пересказывает свой многолетний пилигримаж (Мосул — Насибин — ‘Аммуриййа) по различным населенным пунктам несторианского Востока — в том числе и Малой Азии — как целую череду смены аскетических практик, менявшихся от одного духовного наставника к другому; при этом сподвижник Муḥаммада косвенно указывает на ведущую роль монахов и отшельников в духовной жизни Аравийского полуострова начала второй половины первого тысячелетия. Согласно вышеприведенному тексту, священноначалие крупнейших городов Леванта одно время напрямую зависело от авторитета монашествующих, по-видимому, не имевших священного сана. Параллельный вывод можно сделать и из текстов, приписываемых джахилийским поэтам. Дескриптивная лирика древнеарабских стихотворцев содержит огромное количество аллюзий и метафор, ассоциированных именно с христианским монашеством (*рухб̄ан*); вот лишь некоторые из них: «О, друг! Видишь ли грозу, покажу я тебе мерцание которой, подобное... светильникам монаха, склонил [который] масло с закрученными фитилями?» [*Имру аль-Кайс*, 28]; «доводы явились после меня — и стали они подобны шрифту Псалтыри в книгах монахов» [*‘Имру’ ал-Қайс*, 89] (*‘Имру’ ал-Қайс*, ум. ок. 565); «если покажется она седому монаху-девственнику — рабу Бога уединившемуся...» [*Аз-Зубй̄ани*, 109] (*ан-Н̄абига*, ум. ок. 605); «смерти нет преграды... даже в монашествующем (*мутараххиб*), что на столпе (*‘истиван*)» [*Ат-Табар̄и*, 1:547] (*З̄у-ал-Джадан ал-Ḥимй̄ар̄и*, ум. нач. VII в.). Образ аскета-отшельника — один из немногих христианских образов древнеарабской литературы в том виде, в котором мы знаем ее сегодня, — становится, таким образом, указанием на своего рода «вытесненность» иерархической эkkлесиологии арабских христианских сект эkkлесиологией аскетической, «атомистической»: Хиджаз и Наджд, как явствует из дошедших до нас источников, не знали священства как такового, в то время как епископат сирийского и йеменского христианства сохранял особую связь с монашествующими вплоть до эпохи исламских завоеваний. Последнее, впрочем, вполне может быть закономерно истолковано как продолжение духовных несторианских и миафизитских традиций Востока.

Следующим преданием, к которому мы хотели бы обратиться в контексте размышлений над природой древнеарабского христианства, является рассказ об обращении ‘Адийя б. Х̣атима ат-Т̣а’й (ум. ок. 68/688):

Я вошел к Пророку — да благословит его Аллах и да приветствует! — когда тот сидел в мечети. Тогда сказали люди: «Это — ‘Адийй ибн Х̣атим!» А пришел я без [чьего-либо] поручительства или охранной грамоты. Меня провели к нему — и взял он мою руку, сказав: «Я надеюсь, что Аллах вложит его руку в мою!» После он встал — и встретили его женщина с ребенком, которые сказали: «У нас к тебе просьба!» И не оставил он их до тех пор, пока, удовлетворив их просьбы, не взял меня за руку и не привел к себе в дом. Служанка подала ему подушку — и сел он на эту подушку, а я сел против него. И сказал он: «Что мешает заключить о том, что нет иного божества, кроме Аллаха? Знаешь ли ты другое, нежели Аллах, божество?» Я отвечал: «Нет». После этого говорил он с час, заключив: «Мешает тебе [что-то] утвердить величие Аллаха! Знаешь ли ты что-либо более великое, чем Аллах?» Я отвечал: «Нет». Он молвил: «Воистину на иудеях гнев, а христиане — заблуждающиеся!» Я изрек: «Я же — ханиф, мусульманин!» И тогда я увидел, как лицо его расплылось в радостной улыбке [Ахмад б. Х̣анбал, 4:378–379; ат-Тирмизй, 5:204; ал-Х̣аким ан-Нис̣абурй, 4:518–519].

«Сйра» Ибн Хиш̣ама (ум. 218/833) и «Муснад» Ибн Х̣анбала (ум. 241/855) приводят и иную версию этого сообщения:

Когда послал Аллах Муḥаммада — да благословит его Аллах и да приветствует! — то возненавидел я его так, как не ненавидел никого другого. И изошел я [из страны своей], дойдя до дальнейшей земли арабской, граничащей со [страной] румов; но потом возненавидел я это место своего пребывания более первого. Тогда сказал я: «А что если прийти к нему и послушать его?» Когда прибыл я в Медину, оказали мне честь ее жители, и говорили друг другу: «Пришел ‘Адийй ибн Х̣атим ат-Т̣а’й! Пришел ‘Адийй ибн Х̣атим ат-Т̣а’й!» И сказал мне [Пророк Аллаха]: «О, ‘Адийй ибн Х̣атим ат-Т̣а’й, прими ислам — да в мире пребудешь!» Отвечал я ему: «Я [держусь своей] веры!» Заметил он: «Я знаю твою веру лучше тебя». Я удивился: «Ты знаешь мою веру лучше меня?» Он ответил: «Да», — и, повторив это трижды, спросил: «Разве ты не ракусит? ⁷» Я сказал: «Да». Он вновь спросил: «Разве ты не глава твоего народа?» Я ответил: «Да». «Берешь ли ты себе четверть от военной

7. *Ракусиййа* — согласно сообщениям исламских историографов, про-сабийская христианская секта. Достоверной информации о ней в арабской

доксографической литературе, по-видимому, не сохранилось. (См., к примеру: [Ибн ‘Абй ар-Рукаб, 1:441]).

добычи?» — вопрошал он. Я ответил: «Да». Тогда он молвил: «А это не позволено тебе твоей религией!» И я устыдился [Ибн Хишām, 2:580–581; Ахмад б. Ханбал, 4:377–378].

И знакомство Мухаммада с учением ракуситов, и ханифитское «исповедание» 'Адиййа позволяют предположить связь упомянутой религиозной группировки с древнеаравийской иудеохристианской средой. Несмотря на то, что 'Адийй ничего не упоминает о мессианских чаяниях, свойственных — или, напротив, чуждых — ракуситам, он акцентирует внимание слушателя на этико-правовой и аскетической сторонах их учения. Осуждение нарушения регламента распределения трофеев (читай — общественного имущества) сопрягаются автором предания с религиозной практикой аравийского монотеизма — ханифизма, популярность которого в христианских общинах Наджда и Хиджаза отмечается и в других текстах⁸. Мы не считаем себя вправе игнорировать настоящие свидетельства раннеисламской историографии, которые можно интерпретировать как очередной довод в пользу справедливости теории об иудеохристианских истоках «аравийского единобожия» VI в. (или даже декларативного тождества ханифизма и основных течений арабского иудеохристианства).

Древнеаравийского поэта и пророка 'Умаййу б. 'Абй ас-Салта (ум. ок. 5/627) исламский классический апологетический трактат часто называет в числе прочих христиан-ханифитов⁹. Ряд источников сообщают о нем следующее:

'Умаййа ибн 'Абй ас-Салт изучал религию и искал пророчества. Тогда он вышел в Левант и, проходя мимо церкви с некоторыми арабами, сказал им: «Подождите меня — у меня есть дело в этой церкви». Он вошел в нее и, выйдя изменившимся в лице, бросился на землю. [Спутники] окружали его до тех пор, пока он не пришел в себя. Они пошли и завершили свои дела. На обратном же пути, проходя мимо церкви, он сказал им: «Подождите!» И, войдя в церковь и задержавшись в ней, он вышел еще более мрачным, чем в первый раз. Тогда сказал ему 'Абӯ Суфйāн ибн Хāрб: «Ты стал тяжек для своих товарищей!» Тот отвечал: «Оставьте меня! Я возвращаюсь к себе и ищу своего конца! Здесь есть ученый монах, сказавший мне, что после 'Йсы земля

8. См., напр.: [Кашталева].

9. Так характеризуют 'Умаййу и средневековые источники, и абсолютное большинство современных исследователей. См.: [Ал-Мақдисī, 2:144; Шейхо, 2:426; Ал-Бустāнī, 83] и др.

содрогнется шесть раз; пять толчков уже имели место — остался один. Я вышел, желая быть пророком и боясь того, что не буду им — и приключилось со мной то, что вы видели. Я пришел к нему во второй раз — и он сказал: “Был послан пророк из среды арабов”. И вот, я разуверился в получении пророчества, и произошло со мной то, что ты видел — ведь миновало меня то, чего я желал» [Ибн ‘Асāкир, 9:257–260].

...Вышел ‘Умаййа в путь — и остановились он и [его спутники] в одном доме. ‘Умаййа вышел, и, взобравшись на бархан, увидел церковь, к которой и отправился. Войдя в нее, он увидел сидящего старца, сказавшего ему: «Тебе будут следовать! Откуда к тебе приходят откровения?» Он отвечал: «С левой стороны». [Старец] продолжил: «В какой одежде ты предпочитаешь их встречать?» Тот говорил: «В черной». «Ты чуть было не стал пророком арабов; но ты — не он, — заметил [христианин]. — Твои помыслы — от джинна, а не от ангела¹⁰. К пророку арабов ангел подходит с правой стороны, а одежда, в которой он любит получать откровения — белая» [Ал-‘Исфāхāнī, 4:125–129].

По замыслу составителей *suttae* мусульманской антихристианской литературы данный эпизод должен отсылать к знаменитому путешествию Пророка ислама в Левант и его встрече с монахом Бахирой¹¹ — и, тем самым, оттенять фундаментальное единство аравийской «авраамической ситуации», существовавшей всеобщим предвкушением развития пророческого движения поздней джахилии¹². Той же цели служит и параллельный «разверзанию груди» Мухаммада эпизод:

Спал ‘Умаййа, когда прилетели к нему две птицы; одна осталась у дверей дома, а другая вошла, и, раскрыв и обратно закрыв ему сердце, вышла. И спросила другая птица: «Он проснулся?» Та отвечала: «Да!» [Первая] продолжала: «Он очистился?» Та молвила: «Он отказался».

...Как-то вошел ‘Умаййа к своей сестре, когда та обрабатывала шкуру — и заснул на кровати в одном из углов дома. [Сестра] рассказывала, как кры-

10. Здесь обращает на себя внимание приятие «старцем» аравийской демонологии.

11. Мы не можем привести полный текст этого известного предания ввиду его значительного объема. Скажем только, что «признаками пророчества», присутствовавшими, по Бахире, в Мухаммаде, являлись родимое пятно между лопатками (так называемая «печать пророчества»), знатность происхождения и бескомпромиссное отношение

к политеизму. Также монах отметил и природное знамение, сопровождавшее юношу, — «тучку», останавливавшуюся над ним. См.: [Ибн Са‘д, 1:153–155; Ибн Хишām, 1:180–182]. О «печати пророчества» как «признаке» истинного пророческого дара говорили и малочисленные иудеи Мекки. См.: [Ибн Са‘д, 1:162].

12. См.: [Пиотровский].

ша дома разверзлась, и появились оттуда две птицы. Одна из них осталась на своем месте, а вторая раскрыла его грудь и извлекла сердце, разделив его. И спросила верхняя птица: «Он проснулся?» Та отвечала: «Да». «Он принят?», — продолжала первая. Вторая ответила: «Нет», — и, вернув сердце на место, ушла. Умаййа, проводив ее взором, воскликнул: «Вот, я здесь, перед вами! Я не невинен, чтобы просить прощения, и не имею я родни, чтобы получить помощь».

Тогда вернулась птица, раскрыла его грудь и извлекла сердце, разделив его. И спросила верхняя птица: «Он проснулся?» Та отвечала: «Да». «Он принят?», — продолжала первая. Вторая ответила: «Нет», — и ушла. Умаййа, проводив ее взором, воскликнул: «Вот, я здесь, перед вами! Нет у меня имущества, которое полезно, и нет у меня родни, что защитила бы меня».

Тогда вернулась птица, раскрыла его грудь и извлекла сердце, разделив его. И спросила верхняя птица: «Он проснулся?» Та отвечала: «Да». «Он принят?», — продолжала первая. Вторая ответила: «Нет», — и ушла. Умаййа, проводив ее взором, воскликнул: «Вот, я здесь, перед вами! Мало мне милости — я окружен грехами!»

Тогда вернулась птица, раскрыла его грудь и извлекла сердце, разделив его. И спросила верхняя птица: «Он проснулся?» Та отвечала: «Да». «Он принят?», — продолжала первая. Вторая ответила: «Нет», — и ушла. Умаййа, проводив ее взором, воскликнул: «Вот, я здесь, перед вами! О, Господь, Ты прощаешь многим — но каждый раб не может вместить!»

После потолок сошелся, а Умаййа принялся тереть свою грудь. [Сестра] спросила: «Ты что-то чувствуешь?» Он ответил: «Ничего, кроме жара в своей груди», — после чего изрек:

«Ох, если бы я, до того как увидеть это,
был бы в горах пастухом для горных козлов!
Будет смерть перед моими глазами отныне. Но ты страшись
беса судьбы; поистине, есть у судьбы таковой!»
[Ал-Исфакхāнī, 4:130–135].

Собственно говоря, именно Умаййа и является той фигурой, что «смыкает» разводимые нами до настоящего момента древне-арабийские христианство, ханифитское вероучение, аскетические практики и пророческое движение. Провозглашавший рифмованно-поэтические отрывки (*садж*) [Ибн ал-Джавзī, 3:146], соответствующие результатам транс других арабских прорицателей (*кахинов*) и пророков, Ибн 'Абī ас-Ṣалт «изучал [священные] книги» иудаизма и христианства [Ал-Исфакхāнī, 4:129]. Возможно, проповедь покаяния, встречающаяся в подавляющем большинстве поэм Умаййи [Умаййа б. 'Абī ас-Ṣалт], черпает свои истоки

именно в последних. «Облаченный во власяницу» подвижник неоднократно обрушивался на мекканцев и таифитов со словами осуждения винопития и многобожия [Ал-’Исфакхāнī, 4:129], предвкушая появление на религиозной арене Аравии профекратической общины, лидер которой будет состоять в экстатической связи с божеством. ’Умаййа не сомневается в национальной основе «новой» доктрины, что выявляет «реформационную» специфику аравийского иудеохристианства той эпохи: религиозное обновление соотносилось аравийскими монотеистами с реабилитацией общеарабского родового начала — начала «Ибрāхīма и Исма’йла». В остальном стихотворец, как и другие ханифиты, опирается на авторитет ближневосточного «мессианского христианства», его епископата и монашества, ни словом не намекая на существование местной иерархии или обрядовости.

С жизнеописанием ’Умаййи во многом перекликается *casus* мединца ’Абӯ ’Амира:

Не было среди ауситов и хадхраджитов человека, более знающего о приметах Муḥаммада, нежели отшельник ’Абӯ ’Амир. Он дружил с иудеями и расспрашивал их об их религии — а они раскрывали ему приметы Посланника Аллаха и [говорили о Медине] как о месте его переселения. После он вышел к иудеям Темы¹³, которые говорили ему то же самое. После он дошел до Леванта, где встретил христиан, также рассказавших ему о приметах Посланника Аллаха и о том, что место его переселения — Йасриб. Тогда вернулся ’Абӯ ’Амир [обратно], приговаривая: «Я — ханиф!» Он жил [в Медине], подобно подвижнику, надев власяницу и считая, что он — приверженец религии Ибрāхīма, ожидающий явления Пророка. И вот, появился Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — в Мекке — но он не вышел к нему, оставшись там, где был. Когда же пришел Пророк в Медину, [’Абӯ ’Амир] возненавидел его и стал завистником и лицемером. Он пришел к Пророку и спросил: «О, Муḥаммад! С чем ты послан?» Тот отвечал: «С ханифизмом». Он вопрошал: «Ты смешиваешь его с чем-либо?» [Пророк] молвил: «Я принес его чистым! Знаешь ли ты те мои приметы, о которых рассказали тебе иудейские и христианские ученые?» Он возразил: «Ты — не тот, кого они описали». Сказал тогда Посланник Аллаха: «Ты лжешь». «Я не лгу», — отвечал тот. И сказал Муḥаммад, сын ’Абдуллāха: «Лжеца Аллах убьет в одиночестве и изгнании». [’Абӯ ’Амир] вторил: «Аминь!» Тогда вернулся он в Мекку, и, оставив то, во что верил, последовал за Курайшем в их религии.

13. Тема (Таймā’) — известный оазис, находящийся на северо-западе Аравийского полуострова.

Когда приняли ислам жители Таифа, он вернулся в Левант, где и умер в изгнании и одиночестве [Ал-Асбахāнī, 1:41–42].

Этот же отрывок ценен тем, что герой его повествования, вернувшийся из паломничества в Тему и Левант, не скрывает своей принадлежности к ханифизму только после установления консенсуса иудейских и христианских ученых относительно характера миссии грядущего «пророка арабов». О «приметах» ожидаемого посланника, передаваемых аравийскими иудеями из поколения в поколение как изустно, так и письменно, сообщают и другие предания:

Однажды я пришел к сынам ‘Абдулашхала, дабы говорить с ними (а тогда в нашей войне было перемирие) — и я услышал, как Йўша‘-иудей сказал: «Думаю, скоро выйдет пророк, имя которому — Аҳмад; и он выйдет из запретного [места]». Отвечал ему Халифа ибн Са‘лаба ал-Ашхали с издевкой: «И каковы же его приметы?» Тот молвил: «Он будет мужем не высоким и не коротким. В его глазах будет некоторая краснота; он наденет шерстяную накидку и сядет на осла. И эта земля будет местом его переселения».

Я вернулся к своему народу, к сыновьям Худра, дивясь сказанному Йўша‘. Но услышал я одного мужа, молвившего: «Он не один говорит это — все иудеи Йасриба говорят так!» Тогда я вышел и дошел до иудеев-курайзитов — и они поминали Пророка. И сказал аз-Зубайр б. Бāтā: «Взошла красная планета, что восходит только при появлении и исходе пророка¹⁴. И [были явлены нам все пророки], кроме Аҳмада. И этот город — место его переселения!» Когда пришел Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — в Медину, я рассказал ему об этом; он отвечал: «Если бы приняли ислам аз-Зубайр и другие, подобные ему иудейские старейшины, — то приняли бы ислам все иудеи, ибо они следуют им [во всем]» [Ал-Асбахāнī, 1:41].

Безоговорочное подчинение членов иудейских общин Медины своим предводителям не раз отмечается средневековым апологетическим сочинением¹⁵. Этот факт не только отсылает к ранее

14. Ср.: «Когда родился Посланник Аллаха, сказали ученые иудеи: “Этой ночью родился Аҳмад — вот, звезда взошла!” Когда стал он пророком — они также сказали: “Аҳмад стал пророком — вот, звезда взошла!”» [Ибн Са‘д, 1:160].

15. См., напр.: «Воскликнул тогда аз-Зубайр ибн Бāтā: “Клянусь Торой, я нашел описание его в Писании — в Торе, которая была ниспослана Мўсе, а не в писаниях, сочиненных нами!” И спросил

его Ка‘б ибн ‘Асад: “Что же мешает тебе, о, ‘Абў ‘Абдурраҳмāн, следовать ему?” Ответил тот: “Ты!” Молвил [Ка‘б]: “Чем же? Клянусь Торой, никогда не вставал я между тобою и ним!” Отвечал аз-Зубайр: “Но ты — властитель нашего договора и обета. Если последуешь ты за ним — то последуем и мы за ним, если же откажешься — откажемся и мы!”» [Ибн Хишām, 2:55–56].

высказывавшемуся нами предположению о сохранении в древнеаравийском иудаизме института «несиим» (נְסִיִּים), но и к проблеме социально-религиозной регуляции иудейских общин западной части Аравии. Повиновавшиеся ученым племени в делах веры и судопроизводства иудеи Медины, Таифа и Хайбара вели войны и заключали союзы с арабскими племенами, *не исключая себя из их числа*. В отличие от аравийских христиан, иудеи, согласно первым хронистам ислама, ждали восстановления арабского государства под предводительством нового пророка; при этом апологеты идеи общеаравийского иудейского «царства» обращались в спорах с оппонентами-язычниками к истории народов Полуострова — в особенности так называемых вымерших арабов ('араб бā'ида).

Одним из тех аргументов, что, милостью и водительством Аллаха, привели нас к исламу, были речения, которые мы, будучи идолопоклонниками и многобожниками, слышали от иудеев, людей Писания (тогда у них было знание, а не у нас). Между нами была некоторая вражда, и когда мы причиняли им неприятное, то они говорили нам: «Приблизилось время Пророка, который послан ныне. Мы последуем за ним — и убьем вас вместе с ним так, как были убиты 'Ад и 'Ирам!» Мы часто слышали от них это. И послал Аллах Своего Пророка — да благословит его Аллах и да приветствует! — и последовали мы за ним, когда призвал он нас к Аллаху. Мы узнали то, чем угрожали они нам — и опередили их, уверовав в него. А они отвергли его. О них и о нас были ниспосланы айāты [сūры] «Корова»: «А когда пришло к ним Писание от Аллаха, подтверждающее истинность того, что с ними, — а еще прежде они просили победы против тех, которые были неверные, — так когда пришло к ним то, что они знали, они не уверовали в это. Проклятие же Аллаха над неверующими!» [Ибн Хишām, 1:541–542].

Таким образом, в своих территориальных притязаниях иудейские племена Медины не выходили за пределы Хиджаза и его крупнейших городов — что, в свою очередь, наводит на мысль об особой близости политических амбиций Мухаммада третьего мекканского периода (ок. 619–622) аравийским иудейским доктринам. Одновременно с этим особый протест некоторых иудеев вызывал «отход писания и пророчества от сынов 'Исрā'йла» к курайшитским, языческим племенам [Ибн Са'д, 1:160].

Итак, безотносительно к спорам о степени исторической достоверности хроник, из которых нами и были заимствованы вышеприведенные тексты, мы можем сделать несколько принци-

пиально важных выводов касательно образа древнеаравийских христианства и иудаизма, представленного в раннеисламских источниках. Первый вывод затрагивает вопрос о корректности сформулированного нами заглавия настоящей статьи. Как показал наш обзор, иудейская и христианская традиции Аравии, описанные в средневековых арабских сочинениях, могут быть типологически объединены в рамках древнеаравийского иудеохристианства. Как религиозное течение древнеаравийское иудеохристианство имеет свои отличительные черты, как то: строгое монотеистическое «ядро» учения, отсутствие развитых ритуальных систем, мессианская профетология и отрицание традиционных космологических «медиативных» схем, описывающих мессию в качестве эсхатологического, или, тем более, онтологического посредника между человечеством и божеством. Иудеохристианская же аскетика, составляющая единое целое с аскетикой ханифизма, по-видимому, восходит к сиро-египетским монашеским практикам, тогда как литургический пласт аравийского монотеизма исчерпывается молитвой, постом и чтением вероучительных текстов [Ибн Са'д, 1:160–164 и др.]. Этим, пожалуй, ограничивается и «догматика» арабского иудеохристианства и, как следствие, «легитимационный» аспект его религиозно-рефлективных систем. Неудивительно, что Коран, называя иудеев и христиан «людьми Писания» (*'ахл ал-китāб*), весьма точно схватывает «текстуальную» парадигматику древнеаравийских иудаизма и христианства, с которыми вполне мог быть знаком его автор.

Из этого, впрочем, следует и такой факт: нам остается неизвестной текстуальная база, которой располагали древнеаравийские иудеохристиане. И если предания упоминают о чтимых иудеями Торе, Псалмах и Пророках, то священные писания христиан, остающиеся, в большей своей части, неизвестными, обозначаются словом «Евангелие» (*Инджīл*). Однако вряд ли это может быть интерпретировано как постулирование первыми и (или) вторыми принципа *solo scriptura*. В частности, влияние талмудических преданий, повествующих о наличии у каждого народа своего ангела, прослеживается в таких пассажах: «У нас есть среди ангелов и враг, и покровитель: враг наш — Джибрīл, ангел грубости и злобы; наш покровитель — Мйкā'йл, ангел мягкости и милости» [*Ал-Вāхидī*, 27–28], — а сохранение института «не-сиим» прямым образом указывает на определенного рода преемственность аравийского иудаизма иудаизму талмудическому.

К сожалению, в случае с аравийским христианством текстуальных «намёков» на связь с общехристианским эпистолярным наследием катастрофически мало — но и здесь мы снова возвращаемся к нашему заключению об истоках аскетических практик джахилийского монотеизма как к косвенному доводу в пользу частичной ознакомленности «последователей Христа» с восточнохристианской культурой.

Помимо известного рубежа, отделяющего иудаизм от христианства, — признания авторитета Иисуса Христа (‘Йсы ал-Масй̄ха), — между древнеаравийскими авраамическими течениями стоял и «водораздел» политический. Мессианские чаяния христиан Аравии оставались подчиненными новозаветному императиву «нейтралитета» — разведенности религиозной и политической деятельности верного; в свою очередь древнеарабский иудаизм, сохранивший строгую социальную стратификацию, предвозвещал установление аравийского религиозного государства. В свете этого вывода становится очевидным и такой аспект политического проекта Пророка ислама, как «восполнение» якобы претерпевших определенные эволюцию и искажение верований «людей Писания» *через преодоление идеологически контрарных по отношению друг ко другу теорий государства*. Объявленный последним, совершеннейшим и непреходящим откровением, ислам должен был гармонично воссоединить отчасти разделенное аравийское иудеохристианство, «реабилитировав» в «новом ханифизме» и христианскую профетологию, и иудейский кратоцентризм (конечно же, в их исконном, не искаженном «еретиками» виде). Единство под знаменами нового *национального* лидера — последний мусульманский «синтез», снимающий противоречия арабского авраамизма, описанного и истолкованного средневековым апологетическим трактатом.

Источники и литература

1. *Аз-Зубй̄анī* = аз-Зубй̄анī, ан-Нāбиға. Дивāн. Бейрут : Дār ал-кутуб ал-‘илмий̄а, 1996. 168 с.
2. *Ал-Асбахāнī* = ал-Асбахāнī, ‘Абӯ Ну‘айм Аҳмад б. ‘Абдуллāх. Далā’ил ан-нубӯвва. Бейрут : Дār ан-нафā’ис, 1986. 1231 с.
3. *Ал-Бустāнī* = ал-Бустāнī, Б. ‘Удабā’ ал-‘араб фй̄ ал-джāхилий̄а ва сaдр ал-’ислām. Бейрут : Дар Сāдир, 1953. 524 с.
4. *Ал-Вāқидī* = ал-Вāқидī, Мухаммад б. Умар. Ал-Мағāзй̄. Бейрут : ал-А‘ламй̄, 1989. 1117 с.

5. *Ал-Вāхидū* = ал-Вāхидī, 'Абū ал-Хасан 'Алī б. Аҳмад. Асбāб ан-нузūл. Бейрут : Дār ал-кутуб ал-'илмиййа, 1991. 568 с.
6. *Ал-'Исфaхāнī* = ал-'Исфaхāнī, 'Абū ал-Фарадж. Китāб ал-Ағāнī. Каир : б. и., 1999. 7183 с.
7. *Ал-Мақдисī* = ал-Мақдисī, Мутхир. Ал-Бад' ва ат-та'рīх. Париж : б. и., б. г. 816 с.
8. *Ал-Хāким ан-Нīсāбūrī* = ал-Хāким ан-Нīсāбūrī, 'Абū 'Абдуллāх. Ал-Мустадрaк 'алā ас-саҳīхайн. Бейрут : Дār ал-ма'рифa, 1998. 3860 с.
9. *Ат-Табарī* = Ат-Табарī, 'Абū Джа'фар. Та'рīх ал-'умам ва ал-мулўк. Лейден : Brill, 1879. 7500 с.
10. *Ат-Тирмизī* = ат-Тирмизī, 'Абū 'Йсā Муҳаммад. Сунан. Каир : б. и., 1975. 3600 с.
11. *Аҳмад б. Ханбал* = Аҳмад б. Ханбал, 'Абū 'Абдуллāх б. Муҳаммад. Муснад ал-'имām Аҳмад б. Ханбал. Бейрут : ар-Рисāла, 1996. 32500 с.
12. *Ибн 'Абī ар-Рукаб* = Ибн 'Абī ар-Рукаб, Му'аб б. Муҳаммад. Ал-Имлā' ал-мухтaсар фī ғарīb ас-сийар. Бейрут : Дār ал-кутуб ал-'илмиййа, 1973. 470 с.
13. *Ибн ал-Джавзī* = Ибн ал-Джавзī, 'Абū ал-Фарадж. Ал-Мунтазам фī та'рīх ал-'умам ва ал-мулўк. Бейрут : Дār ал-кутуб ал-'илмиййа, 1992. 5950 с.
14. *Ибн 'Асāкир* = Ибн 'Асāкир, 'Абū ал-Қāсим 'Алī б. ал-Хасан. Та'рīх мадīнат Димашқ ва зикр фадли-хā ва тасмийат ман ҳалла-хā мин ал-амāсил ав аджтāза би-навāхй-хā мин вāридī-хā ва 'ахли-хā. Дамаск : Дār ал-Фикр, 1997. 40 000 с.
15. *Ибн Касīр* = Ибн Касīр, 'Имād ад-Дīн 'Абū ал-Фидā' 'Исмā'йл. Ал-Бидāйа ва ан-нихāйа. Каир : Хаджар, 1998. 10100 с.
16. *Ибн Са'д* = Ибн Са'д, Муҳаммад аз-Зухрī. Китāб ат-Табaқāt ал-кабīр. Каир : ал-Ханиджī, 2001. 3200 с.
17. *Ибн Хишām* = Ибн Хишām, 'Абдулмалик ал-Химйарī. Ас-Сīра ан-набавиййа. Каир : Ма'ба'ат ал-Халабī, 1955. 1109 с.
18. *'Имру' ал-Қайс* = 'Имру' ал-Қайс. Дīвāн. Каир : Дār ал-ма'āриф, 1984. 569 с.
19. *Имру аль-Кайс* = Муаллака Имру аль-Кайса / Предисловие, перевод и комментарий Ф. О. Нофала // Письменные памятники Востока. 2013. № 1 (18). С. 24–32.
20. *'Умаййа б. 'Абī ас-Салт* = 'Умаййа б. 'Абī ас-Салт. Дīвāн. Бейрут : Дār Сāдир, 1998. 270 с.
21. *Шейхо* = Шейхо, Л. Ан-Насрāниййа ва āдāбу-хā байн 'араб ал-джāхилиййа. Бейрут : Дār ал-Машриқ, 1989. 1025 с.
22. *Кашталева* = Кашталева К. С. О термине ханиф в Коране // ДАН СССР. 1928. № 8. С. 157–162. ([Серия] В).

23. *Нофал 2015* = Нофал Ф. О. Ранняя исламская апологетическая традиция: краткий очерк // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2015. Вып. 14. С. 129–147.
24. *Нофал 2017* = Нофал Ф. О. Концепт «преемственность» как основа теологии авраамических религий: к постановке проблемы // Христианское чтение. 2017. (В печати).
25. *Пиотровский* = Пиотровский М. Б. Мухаммед, пророки, лжепророки, кахины // Ислам в истории народов Востока : Сборник статей. М. : Наука, ГРВЛ, 1981. С. 9–18.
26. *Brown* = Brown N. O. Apocalypse and/or Metamorphosis. Los Angeles, CA : University of California Press, 1991. 250 p.
27. *Crone, Cook* = Crone P., Cook M. Hagarism: The Making of the Islamic World. Cambridge : Cambridge University Press, 1977. 260 p.
28. *Introduction* = Introduction to Islam. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 398 p.
29. *Political Islam* = Political Islam : Essays from Middle East Report. Los Angeles, CA : University of California Press, 1997. 395 p.

F. O. Nofal

Ancient Arabic Jewish-Christian Tradition: Reading of Classical Islamic Apologetic Treatise

It is considered the reconstruction of religious systems of the Arabian Judaism and Christianity in the article. Analyzing the legends which have been a part of both early Islamic chronicles, and the classical Islamic apologetic treatises, the author draws a conclusion about “dogmatic” and “liturgical” unity of Ancient Arabic monotheism. Also the fact of identity of a so-called Hanifism and Abrahamic religious traditions of Arabia is established.

KEYWORDS: Ancient Arabic monotheism, Djahiliyya, Islam, Qur’an, Sunnah, Hanifism.